

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра отечественной истории и историографии

**«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО
ИНАКОМЫСЛИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРСКОГО И ПОСТИМПЕРСКОГО
ДИСКУРСА В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ)»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студента _____ 4 _____ курса _____ 411 _____ группы

направления 46.03.01 «История»

Института истории и международных отношений

Орлова Александра Андреевича

Научный руководитель

доцент, к.и.н. _____

В.В. Хасин

Зав. кафедрой:

профессор, д.и.н. _____

В.Н. Данилов

Государственная политика в отношении религиозного инакомыслия в пространстве имперского и постимперского дискурса в России XIX - начала XX вв. (по материалам Саратовского Поволжья)

Религия находилась в эпицентре государственного внимания с самого зарождения метаинститута государства. И разного рода религиозное инакомыслие также неизменно входило в оптику пристального государственного внимания, разумеется, с разными для «религиозно-диссидентских» групп последствиями в зависимости от контекста.

Такое положение вещей выводило как государственную политику в отношении религии в целом, так и государственную политику в отношении религиозного инакомыслия в число приоритетных политических направлений. А поскольку, как сформулировал Аристотель в своей «Политике»: «...всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага... Это общение и называется государством или общением политическим»¹ – то наибольшее внимание привлекает политическая работа в пространстве дискурса.

Значение религии в контексте восприятия государства как пространства общения проясняет формулировка В. В. Хасина: «Сложно переоценить роль религиозных институтов в российской государственной системе. Именно они являлись основной традиционной формой диалога власти и общества»². Пространство религии было во многом тождественно пространству коммуникации, что в каком-то смысле означает возведение в степень аналитической категории дискурса.

Кроме того, изучение государственной политики именно в дискурсивном пространстве имеет еще один значимый аспект. Это пространство можно назвать почвой, из которой произрастают побеги политической и социальной практики, полем закономерности для различных

¹ *Аристотель*. Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 35.

² *Хасин В.В.* Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 5. С. 178.

позиций субъективности. «Дискурс, понятый таким образом, не является величественно развернутым проявлением субъекта, который мыслит, познает и производит его: напротив, это совокупность, где могут детерминироваться рассеивание субъекта и его прерывность по отношению к самому себе»³. То есть пространство имперского и постимперского дискурса представляло собой область, определявшую направления государственной политики в отношении религиозного инакомыслия и даже самого ее субъекта.

Исследование столь тонкой проблематики требует серьезной методологической подготовки. В этой работе можно выделить несколько теоретических блоков. В первую очередь речь идет о теории империи, наиболее емко изложенной в работе Р. Суни «Империя как она есть: имперская Россия, “национальное” самосознание и теории империи»⁴.

Под империей здесь подразумевается государство, устанавливающее господство одного сообщества над другими путем насилия при допущении многообразия. То есть ключевыми категориями империи можно назвать иерархию и гетерогенность. «Неравное положение в империи может принимать формы дискриминации по культурному или языковому признаку»⁵. Или же по религиозному, что имело место в Российской империи.

То есть именно «имперскость» и происходящую от нее «постимперскость» можно назвать теми ключевыми чертами существовавших в XIX – I трети XX вв. государственного механизма и социального порядка, что определяли основные векторы политики в отношении религиозного инакомыслия.

Имперский подход предполагает целый ряд сложностей. Обращение к работе А. Миллера «Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования» позволило мне преодолеть их, в

³ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 121.

⁴ Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*, 1-2/2001. С. 9.

⁵ Там же. С. 14.

частности, достичь баланса между региональным и ситуационным подходами и выявить взаимосвязь религиозной политики и национального строительства⁶.

Не менее важен для понимания механизмов государственной политики в конфессиональной сфере критический дискурс-анализ Н. Фэйркло. Исследование Н. Фэйркло «Language and Power» позволяет понять сложные взаимоотношения власти и языка, переходы от дискурсивной практики текста, процессов его продуцирования и восприятия к социальной практике, разнообразным социальным контекстам и результатам⁷.

Методологической особенностью работы следует считать необходимость использования широкого междисциплинарного инструментария. В первую очередь это методологическая база политической философии, социологии, религиоведения, политической истории, права и т.д. Восприятие религиозного радикализма имперской властью невозможно детально рассмотреть, не используя методов имагологии, игнорируя категорию устойчивых образов «Свой» - «Чужой». Аналитическая составляющая работы базируется на принципах историзма, конкретности, системности, опоры на исторические источники и историографическую традицию.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие тенденции работы по конструированию информационного пространства и выявить основные параллели и различия в языковых формулах. Конкретно-исторический метод предоставил возможность изучить причины и последствия проводимой государством религиозной политики, проанализировать интересы и позиции различных акторных групп в системе государственного механизма. Важную роль в изысканиях сыграл проблемно-хронологический метод. Практикой его использования стало выделение отдельных проблем в рамках исследуемой темы и их рассмотрение в

⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

⁷ *Fairclough N.* Language and Power. London, 1989. P. 43.

постепенном развитии. В работе применялся индуктивный метод, основанный на формировании целостной картины происходившего, образа объекта, осознании каждого конкретного события как части целого и выявлении ключевых тенденций, лежавших в основе исторического процесса и превалирующих в изучаемый период.

Другой важнейшей базой работы послужил комплекс исследований, непосредственно посвященных государственно-конфессиональной политике России, ключевая роль принадлежит исследованиям, рассматривающим дискурс власти – зачастую наиболее значимый инструмент в области работы с религиозным инакомыслием.

Следует отметить, что работ, проблемно рассматривающих государственную политику в отношении религиозного инакомыслия, немного. В целом внутривластный курс Российского государства в XIX – начале XX вв. изучен чрезвычайно основательно, однако авторы касались преимущественно национальной, сословной, классовой политики и т. д. Подробно изучен и сам феномен религиозного инакомыслия в России, однако по большей части как самостоятельная проблемная тема, вне контекста имперской и постимперской государственной политики.

Предметно же государственная политика в отношении религиозного диссидентства рассматривается в сочинении М. Н. Васильевского «Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I», монографии Т. Н. Никольской «Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах» и работе М.Ю. Крапивина, А. Я. Лейкина и А. Г. Далгатова «Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 —конец 1930-х годов)»⁸.

⁸ *Васильевский М. Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. - Казань, 1914; *Крапивин М.Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А.Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 —конец 1930-х годов). СПб., 2004; *Никольская Т. Н.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Кроме того, существует ряд работ, посвященных конкретным сюжетам истории государственной политики в отношении религиозного диссидентства. Речь идет о публикациях Дж. Ю. Клэя, Е. А. Архиповой, И. Пярт, С. Л. Фирсова, Р. О. Сафронова. Все они представляют большую ценность для исследователя⁹.

Следует отметить, что, так или иначе, государственная политика в отношении религиозного инакомыслия в России затрагивается во множестве работ, посвященных феномену русского религиозного радикализма и конструированию модерного государства.

Ярким представителем «народнического дискурса» можно назвать А. С. Пругавина, проблемно обратившегося к государственной политике в отношении религиозного диссидентства и инструментам ее реализации в своей монографии «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости)» и касавшегося ее в ряде других работ¹⁰. К тому же «дискурсивному направлению» принадлежат также исследования И. И. Каблица (Юзова), С. П. Мельгунова, В. И. Ясевич-Бородаевской¹¹.

В то время как единственный дореволюционный исследователь, предметно разрабатывавший проблематику раскола в Саратовском Поволжье – Н. С. Соколов, старался держаться позиции академической нейтральности,

⁹ *Clay J. E. An Old Believer Monastery on the Volga: The Cheremshan Monastic Complex, 1820-1925 // Slavonica 7, no. 2. 2001; Clay J. E. Orthodox Missionaries and "Orthodox Heretics" in Russia, 1886–1917 // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia ed. by R. P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, 2001; Paert I. "Two or Twenty Million?" The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia // Ab Imperio, 3/2006; Архипова Е. А. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Новый исторический вестник. – № 25. 2010; Сафронов Р. О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2013. № 5(49).*

¹⁰ *Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости). М., 1905; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904; Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора М., 1905.*

¹¹ *Юзов И. Русские диссиденты: Староверы и духовные христиане. — СПб., 1881; Мельгунов С. П. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. — М., 1919; Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. — СПб, 1912.*

но, к сожалению, оставил всего одну фундаментальную работу – «Раскол в Саратовском крае»¹².

Однако настоящий взрыв исследований в отношении как русского старообрядчества и сектантства, так и конструируемой в его адрес государственной политики произошел после «перестройки». Происходит настоящий «религиозный поворот» в изучении российского прошлого, публикуются работы и на английском, и на русском языке.

Речь идет о таких работах, как монография Дж. Урри «None but Saint: the transformation of Mennonite life in Russia, 1789-1889», где затронута государственная политика в отношении специфической для имперского пространства России группы – немецких сектантов; исследование А. Луукканена «The party of unbelief: The religious policy of the Bolshevik party», где политика в отношении религиозного радикализма рассмотрена в контексте общего направления религиозной политики 1920-х гг.; произведение Н. Брейфогла «Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus», рассматривающего взаимодействие таких важных имперских процессов как подавление инакомыслия и колонизация, труд С. Жука «Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830-1917», проблематизирующий реформационные аспекты русского сектантства, и текст Х. Коулман «Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905-1929», анализирующей государственную политику в отношении русского баптизма в период этапных социальных трансформаций¹³.

Многочисленные работы появляются и на русском языке. Здесь стоит выделить работы, проблемно затрагивающие государственную политику в

¹² Соколов *Н.С.* Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888.

¹³ *Urry J.* None but saints: the transformation of Mennonite life in Russia, 1789-1889. Winnipeg, 1989; *Luukkanen A.* The party of unbelief: The religious policy of the Bolshevik party. Helsinki, 1994. *Zhuk S. I.* Russia's Lost Reformation. Peasants, Millenarism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830-1917. Washington, 2004. *Breyfogle N.B.* Heretics and colonizers: Forging Russia's empire in the South Caucasus. – Ithaca, 2005. *Coleman, H.* Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington, 2005.

отношении религиозного инакомыслия, - монографии Е. А. Вишленковой и А. Эткина¹⁴. Тогда как исследования Л. Энгельштейн и А. А. Панченко посвящены непосредственно сообществам религиозных радикалов, в рамках чего затрагивается и государственная политика¹⁵.

Изданы также работы, в которых политика в отношении религиозного инакомыслия затрагивается в рамках более широкого контекста общерелигиозной политики. Имеются в виду исследования П. Верта, С. Л. Фирсова, А. Ю. Полунова, А. А. Сафонова и Е. М. Лучшева, в ракурсе которых находятся различные аспекты имперской и постимперской политической работы¹⁶.

Таким образом, государство-конфессиональная политика в имперском и постимперском контекстах представляет большой интерес для исследователей, рассматривающий ее сквозь различные оптики и на различных источниковых базах.

Тогда как в рамках моей работы анализ динамической и противоречивой политики государства в отношении религиозного инакомыслия проведен на основе следующего комплекса источников, среди которых стоит выделить опубликованные тексты и архивные материалы.

Для достижения максимально глубокого понимания имперского и постимперского дискурса в России хотелось бы отдельно проанализировать каждую группу источников.

¹⁴ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. - Саратов, 2002; Эткин А. Хлыст: Секты, литература и революция М., 2013; Эткин, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

¹⁵ Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002; Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — М., 2002.

¹⁶ Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; Сафонов А. А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017; Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР 1917-1941 гг. СПб., 2016.

Архивные документы. В ходе исследования было разработано 10 архивных фондов, относящихся к двум архивам: Государственному архиву Саратовской области (ГАСО) и Государственному архиву новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) и Отделу рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Речь идет о фондах 1, 2, 135, Р-521 и Р-1374 ГАСО, фондах 1, 27, 55 и 56 ГАНИСО и фонде 37 ОР РНБ¹⁷.

Опубликованные источники. К опубликованным источникам относятся различные собрания законодательных актов, сборники постановлений Министерства внутренних дел, касающихся религиозного диссидентства, образцы миссионерской литературы в главах, посвященных имперскому пространству, и атеистической – в главе, рассматривающей постимперское¹⁸. Также в качестве источника используется периодическая память, представленная «Московскими ведомостями» и «Поволжской правдой».

Работа посвящена государственной политике в отношении религиозного инакомыслия в пространстве имперского и постимперского дискурса в России XIX – начала XX вв.

То есть **цель исследования** заключается в выявлении закономерностей трансформации политики в отношении религиозного инакомыслия периода вхождения государства и страны в глобальный Модерн на основании

¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора; ГАСО. Ф. 2. Саратовское губернское правление; ГАСО. Ф. 135. Саратовская духовная консистория Святейшего Синода; ГАСО. Ф. Р-521. Саратовский губернский исполнительный комитет Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов; ГАСО. Ф. Р-1374. Новоузенский уездный исполнительный комитет Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов; ГАНИСО. Ф. 1. Обком ВКП(б) АССР Немцев Поволжья; ГАНИСО. Ф. 27. Саратовский губком ВКП (б); ГАНИСО. Ф. 55. Нижневолжский крайком ВКП (б); ГАНИСО. Ф. 56. Нижневолжский крайком ВЛКСМ. ОР РНБ. Ф. 37. А. И. Артемьев.

¹⁸ *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел. Книга 8. Дополнительная. История распоряжений по расколу. СПб, 1863; *Виноградов Н.* Раскол пред судом здравого человеческого смысла и правды Божией. Рязань, 1909; *Введенский А.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912; *Собрание постановлений по части раскола. Т.1.* Постановления министерства внутренних дел. Вып. 1-й. — Лондон, 1863; *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1867; *Холодковский В.* Корабль изуверов (скопцы-контрреволюционеры). Л., 1930. *Шталь Б.* Как поставить антирелигиозную работу на предприятии. М-Л., 1928.

материалов Саратовского Поволжья в контексте взаимодействия центра и периферии.

Тогда как **предметом исследования** можно назвать совокупность политических практик, реализуемых различными структурами государственной власти в отношении групп, маркированных как религиозно девиантные.

Объектом исследования будет дискурсивное пространство, то есть пространство, возникающее вокруг речевых актов, принадлежащее имперской и постимперской динамическим ситуациям.

Поставленная цель конкретизирована следующими задачами:

- Выявить основные дискурсивные стратегии, использующиеся агентами имперской власти в отношении религиозных диссидентов
- Обозначить возможную дифференциацию между старообрядчеством и сектантством
- Проанализировать влияние доктрины «православие – самодержавие – народность» на государственную политику относительно религиозного инакомыслия
- Рассмотреть трансформацию государственного курса относительно старообрядчества и сектантства в контексте «либеральных реформ» Александра II
- Установить методы конструирования имперской конфессиональной политики в контексте кризиса традиционных институтов и национального строительства (рубеж XIX-XX вв.)
- Исследовать влияние перехода в постимперскую ситуацию на политическое конструирование, касающееся религиозного радикализма
- Проанализировать конфигурацию общегосударственного и регионального дискурсов в отношении религиозного диссидентства

Актуальность работы заключается в том, что она находится на пересечении двух крайне важных «поворотов» исторической науки – имперского и религиозного¹⁹. Рассмотрению взаимоотношений Российского государства и религиозного радикализма посвящено немало исследований, однако в данной работе они впервые помещены в чрезвычайно широкий эпистемологический контекст: от теории суверенитета до концепта интерпелляции.

Географически исследование ограничено Саратовским Поволжьем. Подобный подход позволяет произвести «насыщенное описание» проблематики, вписать локальные сюжеты в широкий контекст, добиться всестороннего рассмотрения материала. Согласно А. Миллеру: «успех «регионального» исследования во многом зависит от того, насколько его автор методологически подготовлен к тому, чтобы смотреть на изучаемые процессы как на часть «большого целого»»²⁰.

Следует отметить, что Саратовский регион представляет большую ценность именно для изучения государственной политики в отношении религиозного инакомыслия, поскольку: «здесь же в стороне от патриаршего и синодального надзора организовался в великую силу русский раскол»²¹. То есть Саратовское Поволжье в полной мере соответствует целям и задачам исследования.

Структура исследования обусловлена постановкой цели и определением задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена государственной политике в условиях складывания современного государства, динамика которой зависела в первую очередь от направления идеологического строительства в Российской

¹⁹ *David-Fox, M., Holquist, P., Martin, A. M. The Imperial Turn // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, vol. 7 no. 4, 2006. P. 705; Freeze G. L. Confessions in Imperial Russia: Analytical Overview of the Historiography // Bylye gody 39. no. 1, 2016. P. 263.*

²⁰ *Миллер А. Указ. соч. С. 30.*

²¹ *Краснодубровский. С. С. Наши архивные Комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 1. Саратов, 1888. С. 37.*

империи. Так, принятие доктрины «официальной народности» привело к максимальному ужесточению политического курса.

Во второй главе разрабатывается проблема трансформации государственной политики в отношении религиозного инакомыслия в период кризис имперской системы. От дифференциации религиозных радикалов на условно «своих» и «чужих» государство в результате социально-политических пертурбаций было вынуждено перейти к стратегии широкой толерантности.

В третьей главе рассматривается политический курс в раннем постимперском контексте, когда колебания государственной деятельности во многом определялись предшествующими имперскими конфигурациями. Политики в отношении религиозного инакомыслия это касается в полной мере.

То есть государственную политику в отношении религиозного инакомыслия в России XIX – I трети XX вв. можно рассмотреть, как причудливую кривую, своего рода функцию с точками экстремума в виде свободы совести и полномасштабных репрессий.

Государственное дисциплинирование религиозной жизни неизбежно вело к укреплению в империи старообрядчества и сектанства, как способа населения «избежать государственного контроля и скрыться от принудительного надзора». Подобное укрепление религиозного радикализма в свою очередь порождало усиление государственного давления, создавая замкнутый круг.

Впрочем, пароксизмы государственного давления в религиозной области связаны в первую очередь с более широкими контекстами. Таким может быть контекст «официальной народности», когда православие приобрело идеологическое значение, или контекст «Великого перелома», означавшего переход Советской власти к интенсивной антирелигиозной работе и разрыв с недавними «попутчиками».

Что касается базовых пластов восприятия религиозного инакомыслия в пределах имперской системы, то здесь следует выделить два основных дискурса: «дискурс чуждости» и «дискурс невежества».

«Дискурс о невежестве» напрямую связан с «дискурсом о цивилизации», укореняющимся в идейном пространстве Российской империи параллельно с ужесточением политики относительно старообрядчества и сектантства, в 1830-е гг. Следует отметить, что «дискурс о невежестве» заиграл множеством новых красок в конце 1920-х гг., когда кампания против религиозного сектантства была четко вписана в контекст «Культпросвета», «Ликвидации безграмотности» и тому подобных проектов.

«Дискурс о чуждости» воспроизводился с не меньшей регулярностью. В наибольшей степени он касался «белокриницких» поповцев и сект «немецкой ориентации», хотя в его орбиту входили также молокане, бегуны, хлысты. В этом отношении показательна свободная экстраполяция стигматизирующих стереотипов с одних «девиантных» групп (евреев) на других (сектантов) и наоборот.

При ужесточении политики Советского государства «дискурс о чуждости» был воспроизведен в форме выразительной контаминации: сектанты были объявлены как «классово чуждыми» победившему пролетариату субъектами, так и агентами «внешнего Чужого» – мировой буржуазии.

Таким образом, траектории государственной политики в отношении религиозного инакомыслия представляют собой логическое продолжение траекторий идеологического и национального строительства, что позволяет проследить анализ коммуникативных актов, составляющих пространство имперского и постимперского дискурса.